

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ

А.Л. Бардин

Бардин Андрей Леонидович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, ул. Профсоюзная, д. 23, Москва, 117997, Россия.
Эл. почта: andreybardin@gmail.com. ORCID 0000-0001-9526-9763

Аннотация. В статье рассматриваются различные подходы к изучению социокультурных последствий миграционных процессов для городских пространств и связанному с этим решению задач по обеспечению в городе межэтнического согласия. Показано, что городской уровень политического управления сегодня приобретает особую значимость не только вследствие общего роста роли городов как самостоятельных акторов и центров сосредоточия уникальных ресурсов, но и ввиду специфики миграционных и интеграционных процессов и необходимости поиска новых ответов на вызовы правого populизма и национализма, а также противодействия негативному влиянию национального дискурса о миграции на социальную атмосферу на местах. Особое внимание уделяется исследованиям пространственных аспектов практик конвивальности и интеркультурализма, позволяющих отойти от нормативной, направленной сверху вниз модели интеграции мигрантов, вовлечь их в процессы ежедневного формирования «ткани города», сделав их его «соавторами» посредством естественных повседневных взаимодействий. Анализируются практики, способствующие сближению различных траекторий развития в рамках общества сверхразнообразия и установлению коммуникационных моделей, при которых межэтнические и социокультурные различия перестают играть значимую роль. Под конвивальностью в статье понимается процесс сосуществования и взаимодействия, при котором множественность культур выступает нормой социальной жизни в городе, а его жители готовы предпринять активные усилия для предотвращения конфликтов на почве межнациональных или социокультурных различий. Интеркультурный подход также делает акцент не на различиях, а на общности представителей различных социокультурных групп; равнодействующей интеркультурных практик выступает продвижение к новому «социальному целому», единству во множестве. Представляется, что практики конвивальности и интеркультурализма являются заметным шагом вперед по сравнению с теорией и практикой мультикультурализма, которая показала свою неэффективность применительно к решению актуальных проблем полиэтничных и поликультурных городских сообществ.

Ключевые слова: город, политическое пространство, гражданское согласие, социальная сплоченность, миграция, интеграция, сверхразнообразие, конвивальность, интеркультурализм, идентичность

Отношения между представителями различных социокультурных групп в городском пространстве — одна из ключевых тематик городских исследований. К этой теме обращаются как ученые-социологи, социальные антропологи и социальные географы, так и всё чаще политологи. Причин актуальности данной проблематики немало — ведь исторически большинство городов мира сформировалось именно в результате миграционных процессов, и, как правило, именно конкретный город (а не страна) служит пунктом назначения мигранта. Мощный импульс исследованиям межнационального измерения городского коммуникативного пространства придал всплеск инокультурной транснациональной миграции в начале XXI в., прежде всего в страны ЕС, и миграционный кризис 2015 г. («кризис беженства»).

Эти процессы не просто изменили социокультурный облик целого ряда городов: во многих из них сформировалось общество сверхразнообразия, а в некоторых местные жители обнаружили, что оказались в численном меньшинстве по отношению к мигрантам (majority-minority cities). Произошел беспрецедентный рост

неопределенности, проникающей в самые разные аспекты жизни, вкупе с потерей многими гражданами чувства безопасности в собственном городе, которая усугубилась террористическими атаками в Париже, Брюсселе, Берлине, нападениями на женщин в Кельне, общим ростом ассоциируемой с мигрантами преступности. Мир испытал новый подъем национализма и популизма; участились апелляции к этнической идентичности как ориентиру политической мобилизации (Семененко, 2018: 71), обострилась борьба за идентичность.

В столь турбулентных условиях, когда принятие имеющих жизненно важное значение решений на национальном уровне часто оказывается затруднено в результате политической борьбы или требует значительного времени — тогда как проблема требует безотлагательного решения — на первый план выходят локальные практики управления. Как пишут американские урбанисты Брюс Катц и Джереми Новак, это лишь одна из граней общей тенденции к перетеканию реальной власти из национальных систем контроля и управления на уровень городских пространств, в область коллективных усилий гражданского общества, муниципальных структур и частных акторов — «новой локальности». По мнению исследователей, в современном мире понятие «власть» отражает прежде всего способность лидеров и институтов трансформировать потенциал рынка и энергию общества в решение конкретных проблем — будь то обеспечение экономической конкурентоспособности, ликвидация бедности, ответ на вызов социального разнообразия или обеспечение экологически ответственного развития, и такая власть сосредоточена прежде всего в городах, которые являются одновременно географическими и экономическими пространствами, рынками товаров и услуг, сосредоточием государственных, бизнес- и групп гражданского общества, местами, где разделяются общая культура и ценности (Katz, Nowak 2018: 2). Кроме того, можно согласиться с авторами в том, что «новая локальность» имеет существенный потенциал для ответа на вызовы правого и левого популизма. В отличие от них, она приветствует разнообразие и отвергает этноцентричность, будучи прагматичной, сконцентрированной на решении конкретных проблем, лишенной идеологической подоплеки. Города, проникшие духом «новой локальности», прежде всего заинтересованы в долгосрочном гармоничном развитии и устремлены в будущее, они отвергают близорукий взгляд популистов, апеллирующих к сиюминутным эмоциям и смутным картинам идеального прошлого (ibid., 6). Представляется, что подобный прагматизм есть наиболее здравая основа для усилий городских властей по укреплению гражданского согласия.

Еще одна причина, по которой местные практики управления сегодня приобретают центральную роль, связана со спецификой миграционных и интеграционных процессов. Если на первом этапе миграционного кризиса в ЕС основные заботы о беженцах легли на национальные власти, то в решении наиболее сложной задачи — их долгосрочной экономической и социальной интеграции — приоритетную роль играют именно локальные, прежде всего городские структуры (так как значительная часть прибывших распределилась по крупным городам). Перед местными властями стоят две ключевые задачи. Первая — обеспечить интеграцию беженцев — которые относятся к разным культурам, сильно различаются по уровню образования и психологической подготовленности к жизни в новой стране — в рынок труда и общество в целом. Вторая — проводить политику, которая позволит избежать формирования в городе «параллельных обществ», роста социальной напряженности, обеспечит гражданское согласие и межкультурный диалог. Действительность говорит о том, что решение этих задач будет крайне

непростым, а градус напряженности во многих обществах весьма велик; примером тому служат драматические события в немецком Хемнице и последовавшие за ними волнения, охватившие почти всю Германию¹.

Цель настоящей статьи — проанализировать различные концепции, которые исследуют социокультурные последствия миграционных процессов, а также некоторые практики и механизмы интеграции мигрантов в современных крупных городах через призму пространственного подхода и дать оценку перспектив применения данного подхода для решения задачи обеспечения гражданского согласия в городском пространстве.

«Текущий город» как пространство коммуникации

Обращаясь к тематике интеграции мигрантов и гражданского согласия, следует особо остановиться на термине «пространство». Очевидно, что город — это пространство не только физическое, но и коммуникативное, пространство взаимодействия. При этом, вопреки возникающей порой иллюзии статичности, город есть неотъемлемая часть текучей современности. Он переменчив и «создается заново» каждый день: узор его ткани зависит от воспроизводства тех или иных практик его жителями. Это качество социальный и культурный географ Дорин Массей охарактеризовала термином «*thrown-togetherness*» («оказавшиеся вместе») — со-бытие людей различных национальностей, вероисповедания, возраста, пола, сексуальной ориентации и так далее. Пространство по Массей — это продукт взаимоотношений и взаимодействий, сфера возможности существования множественности в смысле одновременного плюрализма, то, что всегда находится «в процессе строительства» (Massey 2005: 9).

Подобный взгляд на городское пространство крайне важен для понимания протекающих в нем процессов, в том числе коммуникации в обществе сверхразнообразия. Так, говоря об интеграции, местные власти в странах ЕС и в США часто связывают ее с весьма ригидным набором требований: брошюры, которые раздаются мигрантам, проникнуты идеей о том, что город, в который они приехали, — сродни музейной экспозиции, на которую можно только смотреть и ни в коем случае нельзя трогать. Тем самым постулируется тезис о том, что город представляет собой окончательно сформированное социальное пространство, к которому мигрант должен адаптироваться. Очевидно, что при всей важности наличия и соблюдения понятных «правил игры», такой односторонний подход не только создает для мигранта дополнительный психологический барьер (в дополнение к уже непростой задаче поиска новой идентичности в чужой стране), но и сильнее подталкивает его к уходу в «параллельное общество», способствует пространственной сегрегации, появлению районов компактного проживания мигрантов, закрытых для «местных» досуговых пространств и так далее — тем более, что значительная часть мигрантов в принципе не имеет опыта жизни в большом городе, будучи выходцами из сельской местности, где ключевую роль играют общинные связи, которые они стремятся воспроизвести на новом месте.

Мы приходим к тому, что Анри Левфер назвал «правом на город» — спрос жителей на расширенное право на доступ к городской жизни, право на активное создание

---

¹ 26 августа 2018 г. в результате столкновений с участием лиц с миграционным прошлым после городского праздника в г. Хемниц от ножевых ранений скончался 35-летний немец и еще двое в возрасте 33 и 38 лет серьезно пострадали. За этими событиями в городах ФРГ последовали акции и шествия протеста противников миграции и столкновения с антинацистами.

городского пространства и доступ к нему. Применительно к вопросу социальной сплоченности более релевантной представляется трактовка этого понятия Дэвидом Харви как права на изменение себя посредством изменения города: «Как я уже сказал, право на город — это не просто условное право доступа к тому, что уже существует; это активное право на преобразование города, на приведение его в соответствие с нашими общими нуждами и желаниями и, следовательно, преобразование нашей повседневной жизни, изменение наших архитектурных практик и просто альтернативное определение того, что значит быть человеком» (Харви 2008: 93). Важнейшей из его манифестаций для Харви было создание новых городских общественных пространств, публичной сферы активного демократического участия, что заслуживает отдельного рассмотрения; для нас же наиболее значима сама концепция сопричастности городскому развитию всех без исключения его жителей.

Один из базовых аспектов «права на город» состоит в знании и умении использовать городское пространство, получать доступ к возможностям, которые оно в себе заключает. Как отмечает социальный географ Франц Бур, исследование процесса обретения мигрантами этих навыков проливает свет на многие аспекты процесса интеграции. Как правило, ожидается, что мигранты так или иначе сами изучат город, однако на практике этот процесс нередко завершается пространственной сегрегацией и ведет к отчуждению. Чтобы избежать этого, мигрантам необходима помощь в том, чтобы изучить ноу-хау города, узнать о различных его местах. Полноценная пространственная интеграция мигрантов возможна лишь после формирования ими понимания того, какие в городе наличествуют ресурсы и как наилучшим образом ими пользоваться: в данном случае знание почти всегда предшествует доступу, практическому действию (Buhr 2017: 5). Ф. Бур предлагает осмысливать и характеризовать интеграцию в терминах превращения мигранта в «местного», так как эта категория позволяет уйти от этнических коннотаций; быть местным — значит прежде всего ощущать свою принадлежность городу и быть признанным таковым. Местный может не принадлежать к титульной нации и не быть гражданином страны, но при этом прожить в городе достаточно долго, чтобы прочувствовать это пространство и близко познакомиться с ним. В общественном дискурсе понятие «местный», как правило, связывается с тем, кто «знает куда пойти, зачем, каковы условия доступа в это место и поведения в нем» (Knowles 2011: 140). Помощь других местных — один из лучших механизмов, чтобы стать таковым. Об этом говорят многие из респондентов с миграционным прошлым, у которых Ф. Бур взял интервью в ходе своего научного проекта в Лиссабоне. Примечательно, пишет ученый, что почти каждый из респондентов утверждал: «я знаю Лиссабон лучше любого португальца!» (ibid.: 6) — будь то знание того, где лучше приобретать те или иные товары или услуги, как быстрее добраться из пункта А в пункт Б, или где находятся рестораны с лучшей кухней. Обладание этим знанием выступает для мигрантов важным «якорем», который с одной стороны придает им уверенность в себе и помогает выстраивать собственную идентичность как жителя города, а с другой стороны, открывает для них новые возможности, в том числе для диалога с местным населением, что выступает важным фактором социальной сплоченности.

Концепция «оказавшиеся вместе» рассматривает существование в городе множества различных траекторий развития как одну из базовых характеристик городского пространства. Когда в городе складывается общество сверхразнообразия, пишет Стивен Вертовек, мигранты как представители этнорелигиозных сообществ

формируют собственные особые траектории развития (Vertovec, 2007: 1025). Для обеспечения инклюзивного развития города, социальной безопасности и гражданского согласия крайне важно, чтобы эти траектории постепенно сближались с локальными паттернами коммуникации: другими словами, требуется решить задачу по сближению разнородного в повседневной жизни, создать условия для позитивной коммуникации, инклюзивного развития, восстановления атмосферы предсказуемости там, где она была нарушена. Наибольший интерес в этом отношении представляет вопрос о том, какие конкретные практики способствуют формированию таких социальных отношений, при которых межнациональные и социокультурные различия перестают играть значимую роль, уступая место взаимному уважению и совместным устремлениям, и какой научный аппарат позволяет наилучшим образом изучить становление таких практик и отношений.

Конвивальность: дискурс добрососедства

Особое место в научном дискурсе о гражданском согласии в городских пространствах в последние годы занимает термин «конвивальность» (*conviviality*, от лат. *cum vivere* — жить вместе), предложенный культурологом Полом Гилроем. Он описывает «процесс сосуществования и взаимодействия, при котором множественность культур стала обычной социальной чертой жизни в городах» (Gilroy 2004: xi). Лакмусовой бумажкой конвивальности выступает характер «повседневного дискурса» — то, как в городе говорят с соседями, знакомыми и незнакомцами и о них, а также наличие или отсутствие «интеркультурного габитуса», как его называют социологи Аманда Вайз и Селвараж Велаюдам — набора практик, свидетельствующих о том, что жители привыкли к общению с представителями других культур и в случае необходимости готовы предпринять усилия для предотвращения конфликтов на почве межнациональных или социокультурных различий (Wise, Velayutham 2013).

В отличие от направленных сверху вниз процессов интеграции, конвивальность в городском пространстве формируется «сама собой» через взаимодействие жителей города и не несет в себе каких-либо нормативных установок: речь идет о повседневном процессе переговоров прагматичного характера, при этом достаточно хрупком и подчас противоречивом (Nowicka and Vertovec 2014, Neil 2015). Изучение того, как вырабатывается конвивальность, представляет собой весьма любопытный ракурс исследования, который позволяет отойти от подхода, единицей анализа которого выступает этническая группа. Анализ оформления «интеркультурного габитуса» дает немало ценной информации, которая может быть использована как учеными для более глубоких теоретических исследований общества сверхразнообразия, так и городскими властями в их стратегии развития, так как конвивальность есть в числе прочего продукт выстраивания особым образом социального и физического пространства, что напрямую зависит от стратегии городского развития. Следует отметить, что ценность такого подхода подвергается рядом ученых сомнению: в частности, критики исследований конвивальности задают вопрос, не подменяется ли в рамках такого дискурса обычная неформальная вежливость проявлением уважения к Другим, и обращают внимание на ограниченность его применения и потенциала (Amin 2012). С такой критикой можно согласиться лишь отчасти: несмотря на порой «сходную до степени смешения» природу конвивальности и простой вежливости, первая все же выходит за рамки последней. Конвивальность тесно пересекается с понятием «повседневного космополитизма», описывающим

готовность индивида «примерять на себя» и совмещать в себе различные идентичности, представить, каково это — быть частью этого мира иным образом (Radice 2015). Это готовность не только к взаимодействию с Другим, но и к переменам в самом себе в результате такого взаимодействия (Hall 2002).

Исследованию конвивальности посвящен целый ряд интересных и содержательных работ; здесь мы рассмотрим лишь некоторые из них, раскрывающие важные для нас пространственные аспекты межнациональных отношений в городе.

А. Вайз и С. Велаудам, изучая кейс многонационального Сингапура, обращают внимание на политику властей в части организации жизненного пространства. Большинство жителей города (около 80%), принадлежащие главным образом к нижней части среднего класса и к рабочему классу, проживают в муниципальном жилье — небоскребах. Власти города уже много лет проводят последовательную политику по их заселению с соблюдением пропорций между представителями различных национальностей. В каждом доме жители китайского происхождения всегда составляют по меньшей мере 70% квартирантов, и часть помещений всегда занимают молодые одинокие и семейные мигранты из Индии, Китая и Филиппин. Первый этаж здания представляет собой многофункциональное пространство, где проходят самые разные мероприятия — от малайских свадеб до китайских похорон. Как показали результаты интервью, несмотря на то, что шум от мероприятий иногда раздражает жильцов, в конечном счете большинство из них высоко ценит знакомство с соседями и возможность всегда принять участие в интересующем их событии. Рядом с домом всегда есть озелененная территория или парк, который в разное время дня наводняют разные горожане — он служит местом совместных игр, общения матерей с детьми, занятий тай-чи. Другими словами, такое пространство продуцирует возможности для повседневных интеркультурных взаимодействий (Wise, Velayutham 2013: 6). Этому способствует и планировка дома — близость квартир друг к другу, наличие общего коридора, который опоясывает дом по внешней части: жильцы имеют возможность вместе заботиться о стоящих здесь растениях, быстро узнают о событиях у соседей — кто что готовит, у кого родился ребенок и т.д., что также служит поводом для разговора и участия в жизни соседей — в совместной готовке, помощи с мытьем посуды, в переводе документов или посредничестве в каких-либо вопросах, обмене подарками и поздравлениями.

Канадский антрополог Марта Рэдис посвятила свое исследование другому пространству конвивальности, а именно — пешеходным зонам города. Она выделяет четыре «слоя места»: микропространства; господствующие нормы социальной коммуникации; восприятие локальных отношений между группами и роль места как объекта «ключевой инфраструктуры». Одно из своих этнографических исследований, состоявшее из включенного наблюдения и серии глубинных интервью, М. Рэдис провела в Монреале, на четырех торговых улицах, две из которых расположены в более богатых районах города, и две в более бедных. Конвивальность каждой из улиц, приходит к выводу исследователь, отличается от другой: где-то она обусловлена прежде всего прагматическими соображениями, консенсусом, который не принято нарушать; где-то — историческим духом, репутацией улицы как традиционного места встреч; в других местах ключевую роль играют облюбовавшие их уличные музыканты и художники, привлекающие самую разношерстную публику, а где-то — стараниями владельцев кафе, сумевших создать в них атмосферу, располагающую к проведению досуга представителями разных культур.

Примечательно, что если в рассмотренном выше исследовании Сингапура важную роль в формировании конвивальности сыграл фактор пространственной близости, то, скажем, в случае улицы Шербрук Квест, по наблюдениям Рэдис, важную роль играет именно наличие достаточного свободного пространства — широкие тротуары, длинные скамейки, просторные скверы — которое дает жителям возможность выбирать, в какие типы взаимодействия вступать, а в какие нет (Radice 2016: 444).

Датский исследователь Тина Гудрун Дженсен также выбрала объектом анализа взаимоотношения представителей различных наций в рамках общего жизненного пространства, а именно социального жилья в Копенгагене, где проживают более 60% мигрантов из западных стран, прибывших в Данию. Дженсен провела серию интервью с жителями жилого комплекса «Зеленый парк», в отношении которого у городских властей возникли опасения в его «геттоизации». Как показало исследование, среди жителей-датчан оказались сильны стереотипы о соседях-мигрантах («проблемные», «не интегрируются», «плохо обращаются с женщинами», «безработные» и т.д.). В свою очередь, жители-мигранты знали о таком к себе отношении и выражали в связи с этим беспокойство. Некоторые хотели бы общаться с датчанами ближе: например, угостить их, пригласить на свежезваренный кофе, однако сетовали, что датчане «не открытые люди»: «похоже, в Дании это не работает», — отметил один из респондентов, мигрант турецкого происхождения (Jensen 2016: 89). Основной формой коммуникации с датчанами было обычное приветствие. Напротив, конвивальность среди представителей различных этнических меньшинств оказалась на высоком уровне. Жильцы-мигранты оказывают друг другу поддержку, просят присмотреть за квартирой на время своего отсутствия, одалживают друг у друга вещи, помогают в уходе за лицами старшего возраста, детьми и больными, в подготовке бюрократических документов и в том, как лучше вести себя в местном обществе — фактически, в интеграции в него. Как и в Сингапуре, жильцы участвуют в жизни друг друга — днях рождения и т.д., однако если в Сингапуре на такие мероприятия приходят почти все жильцы, вне зависимости от национальности, то в Копенгагене датчане практически не участвуют в них. Специфика пространственного аспекта здесь близка к тому, что действует в рассмотренном выше исследовании в Монреале: для всех жильцов дома важно личное пространство и возможность пользоваться им по своему усмотрению — будь то сближение (в случае этнических меньшинств) или отдаление (в случае датчан).

Тем не менее, несмотря на подобный характер взаимоотношений и наличие стереотипов, жильцы-датчане отмечают, что не заостряют внимание на многонациональном характере проживающих в доме (т.е. воспринимают разнообразие как должное) и не задаются вопросом о том, что мигрантов нужно особым образом интегрировать, и полагают, что это происходит само собой (в том числе благодаря взаимопомощи последних). Примечательно, что жильцы как датского происхождения, так и с миграционным прошлым говорят о том, что государственный дискурс и общественная дискуссия в Дании о миграции и интеграции оказывает негативное влияние на атмосферу в их доме. Как «оскорбительные» охарактеризовали жильцы и интеграционные инициативы местных властей ввиду их «снисходительного характера» и направленности только на лиц западного происхождения, а не на всех жителей (ibid.: 95). Результаты исследования Дженсен подтверждают гипотезу сторонников концепции конвивальности о том, что реализуемые «сверху» интеграционные проекты, направленные на отдельные этнические группы, как правило мало

эффективны и наоборот, могут негативно сказываться на социальной сплоченности. Основной вклад в интеграцию в данном случае внесло именно формирование конвивальности, пространства безопасности и добрососедской коммуникации.

Практики интеркультурализма

Концепция конвивальности во многом отталкивается от общности людских интересов, что роднит ее с концепцией интеркультурализма, в русле которой во многих городах мира применяются заслуживающие внимания практики содействия межэтническому согласию.

Интеркультурализм уходит от акцента на различия культур и подчеркнутой защиты культурных особенностей, характерного для мультикультурализма; ему на смену приходит «культурный полилог», при котором культуры взаимодействуют, сохраняя при этом свою самобытность. Такое социальное взаимодействие «призвано способствовать формированию общей публичной культуры и нового социального целого, которые функционируют по принципу “E Pluribus Unum” — во многом единое, единство во множестве» (Цапенко 2017: 918). В этой сфере действует ряд международных проектов, например инициатива «Межкультурные города» Европейской комиссии и Совета Европы. Среди его главных направлений — перестройка основных функций города в ключевых областях через «межкультурные линзы», посредничество и разрешение конфликтов, развитие межкультурных навыков и компетенций; межкультурное управление городом (ibid.: 921).

Берлин стал одним из городов Европы — участников инициативы «Межкультурные города», в ходе миграционного кризиса 2015 г. испытавших приток огромной волны беженцев. Власти города и организации гражданского общества предприняли ряд важных шагов по урегулированию кризиса, в том числе через интеркультурные практики. Была поставлена задача – обеспечить единство коммуникативного пространства государства, третьего сектора и мигрантов в решении актуальных задач, добиться наилучшей координации усилий сторон. С этой целью были созданы консультационные советы по миграции и интеграции, в работе которых приняли участие представители третьего сектора и организаций мигрантов, а также координационный офис — единое информационное окно, содержащее данные обо всех релевантных инициативах волонтеров и НКО.

В духе концепции «право на город» одним из приоритетов властей Берлина выступает решение задачи по обеспечению включенности мигрантов в развитие города. В этой связи поставлена задача сделать работу в государственном секторе более открытой для мигрантов, обеспечить условия для их включения в процесс принятия управленческих решений. Для этого мигрантов приглашают на заседания различных комитетов и советов, вовлекают в принятие решений на местном уровне, знакомят со спецификой административной работы: действует программа, в рамках которой мигрант может «прикрепиться» к политику, наблюдать за его работой и помогать в ней.

Среди интеркультурных проектов, реализуемых в Берлине, выделим следующие проекты. Во-первых, это центры по медиации и урегулированию межнациональных конфликтов, где посетители получают практические знания об основах права, типологии конфликтов, моделируют различные конфликтные ситуации и обсуждают пути их решения. Во-вторых, проект «Матери по соседству», «выросший» из практики неформальных встреч матерей из числа мигрантов; участницы проекта приходят

в гости к женщинам из семей мигрантов, ведущим изолированный образ жизни, и помогают им интегрироваться в общество. Таким образом, через практики интеркультурализма и конвивальности, развивается сеть «слабых связей» между соседями, купируется социальная напряженность. В-третьих, проект «Управление районами», нацеленный на стабилизацию и развитие малоблагополучных районов. В районе создается финансовый фонд жильцов, который управляется советом, выбранным из числа местных жителей: средства фонда направляются на реализацию инициатив самих жильцов, которые служат укреплению социальной сплоченности в районе.

Помимо подобных проектов в Берлине, как и в более чем 500 других городов Германии, с 1975 г. ежегодно проходит «Межкультурная неделя» (Interkulturelle Woche). Это совместная инициатива Конференции немецких епископов, Евангелической церкви Германии и греческой православной митрополии. Более 5 тыс. мероприятий проводятся при поддержке благотворительных организаций, религиозных общин, профсоюзов, советов по интеграции, ассоциаций мигрантов и различных структур гражданского общества. В 2018 г. «Межкультурная неделя» проводится под девизом «Разнообразие объединяет». В каждом из городов проводится особая программа; как показывает опыт прошлых лет, такие события уже стали доброй традицией и находят заметный отклик среди населения. В 2018 г. в рамках Межкультурной недели в Берлине прошли такие мероприятия, как дни кухни разных стран, «интеркультурные бранчи», обучение готовке блюд разных стран (когда блюда готовы, часто проходит совместная трапеза); обучение языкам в тандеме; чтение вслух сказок; семинар, где разбирается мотивация и риторика правого популизма; консультации о работе биржи труда; молитвы о здравии и мире; ярмарки изделий мастеров и крафта; спортивные и танцевальные фестивали; просмотр фильмов с последующим их обсуждением; фото- и художественные выставки (также с возможностью обсудить увиденное) и многое другое. Интересен семинар, участники которого узнают о том, как научиться правильно отвечать на расистские высказывания в повседневной жизни, уметь отстаивать свое достоинство, а также тренинги по «коммуникации без насилия», которые ведут профессиональные психологи (Interkulturelle Woche 2018).

Разумеется, практики конвивальности и интеркультурализма не являются панацеей и средством решения всех проблем, связанных с интеграцией инокультурных мигрантов. Об этом свидетельствует реальная политическая ситуация во многих городах стран Евросоюза. Рассматриваемые практики имеют свои ограничения, которые определяются многими факторами, в частности, желанием или нежеланием как иммигрантов, так и местных жителей общаться с соседями или осуществлять интеркультурное взаимодействие. В конечном счете многое упирается в желание и способность прибывающих мигрантов интегрироваться в инокультурную среду, а также в способность общества на деле интегрировать прибывающих мигрантов. Тем не менее, практики конвивальности и интеркультурализма, основанные как на эмпирических, так и на теоретических исследованиях, как можно полагать, являются заметным шагом вперед по сравнению с теорией и практикой мультикультурализма, которая показала свою неэффективность в плане решения актуальных проблем, возникающих в полиэтничных и поликультурных современных городских сообществах.

Заключение

Рассмотренные практики конвивальности и интеркультурализма — лишь один из множества механизмов, содействующих поддержанию и укреплению гражданского

согласия в городе. Ценность этих практик проистекает прежде всего из их естественного, повседневного и прагматично-практически ориентированного характера, который позволяет избежать акцента на этничности агентов коммуникации, выделения конкретных групп в качестве «объектов интеграции», равно как и искусственности «карнавального мультикультурализма». Данные практики способствуют формированию атмосферы предсказуемости и «интеркультурного габитуса», при котором разнообразие воспринимается как неотъемлемая часть культурной, социальной и политической действительности, а жители города готовы в случае необходимости предпринять усилия для предотвращения возникающих конфликтов. Кроме того, эти практики вносят важный вклад в реализацию мигрантами «права на город», начиная от знакомства с его ресурсами и доступа к ним (что снижает вероятность формирования «параллельных сообществ») и заканчивая участием в политической жизни города. Безусловно, идеализировать эти практики нельзя, они имеют определенные ограничения. В частности, их использование эффективно на ранних стадиях адаптации иммигрантов, когда еще не возникли более или менее замкнутые «параллельные сообщества». В то же время практики и подходы, о которых идет речь, определенно заслуживают дальнейшего изучения. Результатом такого изучения может стать не только разработка теоретических подходов к исследованию городских пространств, но и осуществление практических программ развития городских сообществ.

Библиографический список

- Семененко, И. С. (2018). Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в “старой” Европе. *Полис. Политические исследования*, 5, 70–87. DOI:10.17976/jpps/2018.05.07
- Харви, Д. (2008). Право на город. *Логос*. Режим доступа http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf
- Цапенко, И. П. (2017). Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов. *Вестник Российской академии наук*, 87 (10), 915–926. DOI: 10.7868/S0869587317100061
- Amin, A. (2012). *Land of Strangers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buhr, F. (2018). Using the City: Migrant Spatial Integration as Urban Practice. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44 (2), 307–320. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1341715
- Gilroy, P. (2004). *After Empire: Melancholia or Convivial Culture?* London: Routledge.
- Hall, S. (2002). Political Belonging in a World of Multiple Identities. In Vertovec, S. & Cohen, R. (Eds.) *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context, and Practice* (pp. 25–31). Oxford: Oxford University Press.
- Heil, T. (2015). Conviviality: (Re)Negotiating Minimal Consensus. In Vertovec, S., (Ed). *Routledge International Handbook of Diversity Studies* (pp. 317–324). Abingdon: Routledge.
- Interkulturelle Woche 2018. Programm Berlin (Auswahl) mit Hinweisen auf Veranstaltungen im Land Brandenburg*. Режим доступа <https://www.interkulturelle-woche-berlin.de/wp-content/uploads/2018/02/programmheft.pdf>
- Jensen, T. G. (2016). The Complexity of Neighbourhood Relations in a Multiethnic Social Housing Project in Copenhagen. *Identities*, 23 (1), 84–98. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1016519
- Katz, B. & Nowak, J. (2018). *The New Localism. How Cities Can Thrive in the Age of Populism*. Brookings Institution Press.
- Knowles, C. (2011). Cities on the Move: Navigating Urban Life. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 15 (2), 135–153.
- Lefebvre, H. (1996). *Writings on Cities*. Wiley-Blackwell.

- Massey, D. (2005). *For Space*. Sage Publications Ltd.
- Nowicka, M. & Vertovec, S. (2014). Comparing Convivialities: Dreams and Realities of Living-With-Difference. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 341–356.
- Radice, M. (2016). Unpacking Intercultural Conviviality in Multiethnic Commercial Streets. *Journal of Intercultural Studies*, 37 (5), 432–448. DOI:10.1080/07256868.2016.1211624
- Radice, M. (2015). Micro-Cosmopolitanisms at the Urban Scale. *Identities*, 22 (5), 588–602.
- Vertovec, S. (2007). Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1054. DOI:10.1080/01419870701599465
- Wise, A., & Velayutham, S. (2013). Conviviality in Everyday Multiculturalism: Some Brief Comparisons Between Singapore and Sydney. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 406–430. DOI:10.1177/1367549413510419
- Zukin, S. (1991). *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: University of California Press.

Статья поступила в редакцию 26.09.2018

Статья принята к публикации 6.11.2018

Для цитирования: Бардин А.Л. Межэтническое согласие в городском пространстве: концепции и практики. — *Южно-российский журнал социальных наук*. 2018. Т. 19. № 4. С. 57–68.

INTER-ETHNIC SOCIAL HARMONY IN THE CITY: CONCEPTS AND PRACTICES

A. L. Bardin

Andrei L. Bardin, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Profsoyuznaya Str. 23, Moscow, 117997, Russia.
E-mail: andreybardin@gmail.com. ORCID 0000-0001-9526-9763

Abstract. The article examines diverse approaches to the analysis of socio-cultural aftermath of migratory processes for urban spaces and the resulting attempt to solve the problem of ensuring interethnic consent. It is shown that the present-day level of urban political governance has become especially important not only due to the overall growth of the cities' role as independent political and economic actors and centres with unique resources. It also happened in view of the specificity of migratory and integration processes and the necessity to search for new answers to the challenges of right-wing populism and nationalism, considering the opposition to the negative influence of the national discussion on migration upon local social climate. Emphasis is put on the analysis of spatial aspects of conviviality and inter-culturalism, which allows to abandon the normative downward model of the migrants' integration. Instead, these practices help involve the migrants into everyday activity of creating "the city-cloth", thus making them its "co-authors" through the natural day-by-day interaction. The article dwells upon practices that promote the convergence of different ways of development within the super-diversified society and the establishment of communication models in which inter-ethnic and socio-cultural differences are no longer important. "Conviviality" is understood as "co-existence and interaction" process according to which the multiplicity of cultures is a norm of social life in the city and its residents are proactive in preventing inter-ethnic or socio-cultural conflicts. Similarly, the intercultural approach accentuates not differences but the commonality of different socio-cultural groups; the resultant of intercultural practices is advancement towards a new "social whole" — a unity in multitude. The author maintains that conviviality and inter-culturalism practices are a noticeable step forward in comparison with the theory and practice of multiculturalism that failed to effectively solve the urgent problems of poly-ethnic and poly-cultural urban communities.

Keywords: city, political space, social cohesion, migration, integration, superdiversity, conviviality, interculturalism, identity

DOI: 10.31429/26190567-19-4-57-68

References

- Amin, A. (2012). *Land of Strangers*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Buhr, F. (2018). Using the City: Migrant Spatial Integration as Urban Practice. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 44 (2), 307–320. DOI: 10.1080/1369183X.2017.1341715
- Gilroy, P. (2004). *After Empire: Melancholia or Convivial Culture?* London: Routledge.
- Hall, S. (2002). Political Belonging in a World of Multiple Identities. In Vertovec, S. & Cohen, R. (Eds.) *Conceiving Cosmopolitanism: Theory, Context, and Practice* (pp. 25–31). Oxford: Oxford University Press.
- Harvey, D. (2008). Pravo na gorod [Right to the City]. *Logos*. Retrieved from http://www.intelros.ru/pdf/logos_03_2008/04.pdf
- Heil, T. (2015). Conviviality: (Re)Negotiating Minimal Consensus. In Vertovec, S., (Ed.) *Routledge International Handbook of Diversity Studies* (pp. 317–324). Abingdon: Routledge.
- Interkulturelle Woche 2018. Programm Berlin (Auswahl) mit Hinweisen auf Veranstaltungen im Land Brandenburg*. Retrieved from <https://www.interkulturelle-woche-berlin.de/wp-content/uploads/2018/02/programmheft.pdf>
- Jensen, T. G. (2016). The Complexity of Neighbourhood Relations in a Multiethnic Social Housing Project in Copenhagen. *Identities*, 23 (1), 84–98. DOI: 10.1080/1070289X.2015.1016519
- Katz, B. & Nowak, J. (2018). *The New Localism. How Cities Can Thrive in the Age of Populism*. Brookings Institution Press.
- Knowles, C. (2011). Cities on the Move: Navigating Urban Life. *City: Analysis of Urban Trends, Culture, Theory, Policy, Action*, 15 (2), 135–153.
- Lefebvre, H. (1996). *Writings on Cities*. Wiley-Blackwell.
- Massey, D. (2005). *For Space*. Sage Publications Ltd.
- Nowicka, M. & Vertovec, S. (2014). Comparing Convivialities: Dreams and Realities of Living-With-Difference. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 341–356.
- Radice, M. (2016). Unpacking Intercultural Conviviality in Multiethnic Commercial Streets. *Journal of Intercultural Studies*, 37 (5), 432–448. DOI:10.1080/07256868.2016.1211624
- Radice, M. (2015). Micro-Cosmopolitanisms at the Urban Scale. *Identities*, 22 (5), 588–602.
- Semenenko, I. S. (2018). Natsionalizm, separatizm, demokratiya... Metamorfozy natsional'noi identichnosti v "staroi" Evrope [Nationalism, Separatism, and Democracy. New Patterns of National Identity in "Old" Europe]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 5, 70–87. DOI:10.17976/jpps/2018.05.07
- Tsapenko, I. P. (2017). Interkul'turnaya paradigma integratsii migrantov [Intercultural Paradigm of Migrant Integration]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 87 (10), 915–926. DOI: 10.7868/S0869587317100061
- Vertovec, S. (2007). Super-Diversity and Its Implications. *Ethnic and Racial Studies*, 30 (6), 1024–1054. doi:10.1080/01419870701599465
- Wise, A. & Velayutham, S. (2013). Conviviality in Everyday Multiculturalism: Some Brief Comparisons Between Singapore and Sydney. *European Journal of Cultural Studies*, 17 (4), 406–430. doi:10.1177/1367549413510419
- Zukin, S. (1991). *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: University of California Press.

Received 26.09.2018

Accepted 6.11.2018

For citation: Bardin A.L. Interethnic Social Cohesion in the City: Concepts and Practices.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2018. Vol. 19. № 4. Pp. 57–68.

© 2018 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).